

Долгова А.В. «Дезертиры, шпионы и куманисты»: некоторые эпизоды из повседневной жизни крестьян Пермской губернии во второй половине 1919 года // *Технологос*. – 2021. – № 2. – С. 112–122. DOI: 10.15593/perm.kipf/2021.2.10

Dolgova A.V. Deserters, Spies and Kumanists»: Some Episodes from the Peasants' Everyday Life in Perm Province in the Second Half of 1919. *Technologos*, 2021, no. 2, pp. 112-122. DOI: 10.15593/perm.kipf/2021.2.10

DOI: 10.15593/perm.kipf/2021.2.10

УДК 94(470.53):342.542.5

«ДЕЗЕРТИРЫ, ШПИОНЫ И КУМАНИСТЫ»: НЕКОТОРЫЕ ЭПИЗОДЫ ИЗ ПОВСЕДНЕВНОЙ ЖИЗНИ КРЕСТЬЯН ПЕРМСКОЙ ГУБЕРНИИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ 1919 ГОДА

А.В. Долгова

Московский государственный институт культуры, г. Химки, Россия

О СТАТЬЕ

Получена: 01 апреля 2021 г.

Принята: 02 июня 2021 г.

Опубликована: 06 августа 2021 г.

Ключевые слова:

Гражданская война, крестьянство, повседневность, дезертирство, архив, большевизм, уголовные дела, преступления по должности.

АННОТАЦИЯ

Статья посвящена истории повседневной жизни крестьян в 1919 году. В основе – архивные документы, которые представляют собой четыре уголовных дела: о двух убийствах, истязании и «преступлении по должности». Используя сравнительно-исторический и типологический методы, автор показала, каким образом крестьяне из разных уездов Пермской губернии реагировали на события, происходящие в деревне. Причинно-следственный анализ связей между историческими событиями позволил выявить общие закономерности рассматриваемых социальных явлений и процессов в среде крестьянства.

История повседневности является актуальной и по сей день. Невозможно изучать исторические факты, не обращаясь к данной теме. Крестьянство составляло большую часть населения страны, а потому являлось своего рода индикатором политических преобразований, проводимых в стране.

Быт крестьян в каждом районе страны имел свои особенности. Он зависел от природно-климатических условий, уровня жизни, социального состава населения. Гражданская война показала, что вмешательство в быт крестьян может изменить их социальный облик. Война надолго внесла дисбаланс в жизнь деревни, разрушила социальные связи, привела к бессмысленным человеческим жертвам.

Приведенные архивные документы – своего рода эпизоды из жизни крестьян в определенный отрезок времени. Поскольку целью автора было передать дух эпохи, документы были даны в том виде, в каком они дошли до наших дней: с сохранением орфографии, пунктуации и стиля. Благодаря отсутствию в них редакторской правки открывается картина сложных взаимоотношений в селе, разворачиваются трагические события с вынужденным участием крестьян. Становится понятным, что было для них нормой и что являлось главным в их жизни – справедливость или законность.

Отношение крестьян к жизни и смерти менялось на протяжении Гражданской войны. Жизнь теряла свою ценность, а смерть стала восприниматься как нечто обыденное и неизбежное.

© ПНИПУ

© Долгова Анжела Валерьевна – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и исторического архивоведения, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7859-3596>, e-mail: angela_dol@mail.ru.

© Anzhela V. Dolgova – Candidate of Sciences in History, Associate Professor, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7859-3596>, e-mail: angela_dol@mail.ru.

Эта статья доступна в соответствии с условиями лицензии Creative Commons Attribution-NonCommercial 4.0 International License (CC BY-NC 4.0)

This work is licensed under a Creative Commons Attribution-NonCommercial 4.0 International License (CC BY-NC 4.0)

«DESERTERS, SPIES AND KUMANISTS»: SOME EPISODES FROM THE PEASANTS' EVERYDAY LIFE IN PERM PROVINCE IN THE SECOND HALF OF 1919

Anzhela V. Dolgova

Moscow State Institute of Culture, Himki, Russian Federation

ARTICLE INFO

Received: 01 April 2021
Accepted: 02 June 2021
Published: 06 August 2021

Keywords:

Civil war, peasantry, everyday life, desertion, archive, Bolshevism, criminal cases, assaultive offences.

ABSTRACT

The article is devoted to the history of the peasants' everyday life in 1919. The basis is archival documents presenting four criminal cases: two murders, torture and malfeasance. Using comparative historical and typological methods the author showed how peasants from different districts of Perm province reacted to the events in the village. A causal analysis of the links between historical events made it possible to identify the general patterns of the considered social phenomena and processes among the peasantry.

The history of everyday life is relevant to this day. It is impossible to study historical facts without addressing this topic. The peasantry constituted the majority of the country's population, and therefore was a kind of indicator of the ongoing internal political changes in the country.

The life of the peasants in each region of the country had its own characteristics. It depended on the natural and climatic conditions, the standard of living, and the social composition of the population. The civil war showed that interference in the life of peasants could change their social appearance. The war imbalanced the life of the village for a long time, destroyed social ties, and led to senseless human casualties.

The cited archival documents, in a way, are the episodes from peasants' life in a certain period of time. As long as the author's goal was to convey the era of war the documents are given in the form in which they have survived to this day: with the preservation of spelling, punctuation and style. Due to the absence of editorial revision in them a picture of complex relationship in the village opens up the tragic events unfold with the forced participation of peasants. It becomes clear what the norm was for them and what was the main thing in their life - justice or legality.

The peasants' attitude towards life and death had been changed during the Civil War. Life lost its value, and death began to be perceived as something ordinary and inevitable.

© PNRPU

Тема повседневной жизни крестьянства была и остается в центре внимания исследователей отечественной истории [1–3]. Крестьянская жизнь всегда хранила в себе исконно русские традиции, память поколений, историю стихийных бедствий, социальных потрясений, войн. Крестьянство умело выживать, благодаря общине, сплоченности, безграничному терпению. Об этом сохранилось множество устных и письменных источников.

Большая часть исследований посвящена эпизодам истории повседневности на региональном уровне или носят историографический характер. Все это, безусловно, является базой для написания трудов, включающих широкий спектр источников, в первую очередь редкие архивные документы.

В связи с этим следует выделить монографию С.Д. Багдасарян «Быт, труд и семья крестьян в эпоху НЭПа: историческая повседневность южно-российской деревни». Исследование посвящено быту донских, кубанских, ставропольских крестьян после окончания Гражданской войны. Совершенно справедливо автор отмечает, что смерть в те дни стала чем-то обыденным, привычным [4, с. 47].

В статье В.Г. Кокоулина «Повседневная жизнь Томска в 1917–1919 гг.» показано восприятие жителями города великих потрясений. Опираясь на ряд архивных источников, автор всесторонне исследовал влияние безвластия и всеобщей разрухи на жизнь горожан. Именно анархия довела людей до животного состояния, когда ради хлеба или получения прибыли человек легко шел на преступление – ограбление или убийство. С официальной властью не считались, вследствие чего начались самосуды, устраиваемые крестьянами [5].

В качестве обобщающей работы отметим статью В.П. Федюка «Российский обыватель в годы Гражданской войны: социокультурные аспекты повседневности». И хотя автор не использовал архивные документы, ему удалось показать картину разрухи в период безвластия. Перечисляя такие явления, как грабежи, хаос, проституция, пьянство, антисанитария, он отмечает резкий упадок моральных качеств и нравственных принципов. В частности, он подчеркивает, что изнасилование стало чем-то обыденным [6, с. 316].

Некоторые авторы ограничились узким кругом источников. Так, исследователь Д.Н. Шевелев в статье «Томск в годы Гражданской войны: власть, общество, повседневность» в качестве источниковой базы использует материалы периодической печати, сетуя на то, что источников личного происхождения недостаточно. Однако он совершенно упускает из виду возможность использования документов местных архивных фондов. Архивные источники могли бы стать базой его научного исследования, учитывая, что печать не может в полной мере и объективно отражать действительность [7].

Автор статьи «Освещение периодической печатью фронтовой повседневности на Северном Кавказе в годы Гражданской войны 1917–1920 гг.» М.А. Поливина ограничилась обзором литературы по данной теме.

Таким образом, в силу специфики поиска оригинальных источников история повседневности по-прежнему остается малоизученной.

Кроме того, чаще всего исследуются лишь явления и события повседневной жизни. Как изменились мировосприятие людей, их система ценностей в годы Гражданской войны – эти и другие вопросы требуют скрупулезного изучения источников личного происхождения – мемуаров, воспоминаний тех, кому удалось пережить войну. Именно в фондах региональных архивов хранится их большая часть.

В центре нашего исследования – фонд Р-49 «Пермский губернский революционный трибунал» Государственного архива Пермского края. Фонд представлен уголовными делами, связанными с преступлениями, совершенными крестьянами в отношении большевиков; «преступлениями по должности» советских и партийных работников. Дела сохранились довольно хорошо: рукописи читаемы.

Для историка ценность этих документов заключается в том, что они не были переписаны и не подверглись цензуре, а значит, их изучение может способствовать формированию объективной картины исторических событий тех лет. Об этом свидетельствуют оригинальный почерк, стиль изложения, большое количество орфографических ошибок, подписи участников событий, качество бумаги. Документы, написанные карандашом, читаются с трудом.

Архивные документы представляют собой свидетельские показания, составленные и зафиксированные советской милицией, материалы следственных комиссий, приговоры ревтрибунала.

Анализ рукописей может сказать многое не только о событии, но и о личности автора документа. Например, мы можем понять его психологический настрой в момент написания, уровень образования, политические взгляды.

Отдельного внимания заслуживает стиль изложения. Анализ подобных документов позволяет обнаружить просторечия, сленговые выражения, особенности написания букв. Все это дает возможность сформировать объективное представление о реальной жизни крестьян, какой она была на самом деле. Исследования, посвященные истории повседневной жизни крестьян в разных районах страны, обогащают наши знания, помогают формировать общую картину крестьянского быта, способствуют изучению других вопросов отечественной истории периода Гражданской войны.

В 1919 году Гражданская война была в самом разгаре. Летом этого же года 2-я и 3-я армии Восточного фронта в ходе Пермской операции заставили Сибирскую армию адмирала

Колчака отступить. В немалой степени успеху Красной армии способствовали и неудачи Западной армии по всему фронту. Сразу же началось повсеместное восстановление большевистских органов власти. Население в полной мере ощутило на себе политику военного коммунизма. По сути, это был узаконенный террор. Архивные документы тех лет свидетельствуют, что в каждом районе сопротивление большевикам выражалось в разных формах, равно как и мероприятия, проводимые ими, имели свои особенности.

В Пермской губернии в рассматриваемый период активно велась борьба с дезертирством путем «наложения штрафов и конфискации, высылкой карательных отрядов». Поскольку население губернии было в основном крестьянским (рабочие проживали в городе), мощного сопротивления в виде обширных восстаний большевизм здесь не встретил. С другой стороны, разрозненные немногочисленные «банды» еще долго беспокоили советские органы власти. В силу того, что крестьяне были привязаны к земле и как никто другой были заинтересованы в скорейшем переходе к мирной жизни и завершении Гражданской войны, им приходилось в конечном счете мириться с новой властью. У них не было предводителей, атаманов, готовых под лозунгом «За веру, царя и Отечество» повести за собой в бой с «предателями Родины», как это было в других районах нашей страны, например в Забайкалье.

Однако после признания советской власти крестьяне сами стали жертвами этих группировок, участники которых мстили им за поддержку большевиков, за помощь, которую они оказывали в мероприятиях по борьбе с дезертирами и изъятию хлеба.

Масштабы произвола, вседозволенности и террора в условиях военного времени и отсутствия власти на местах впечатляют. Каким был уклад жизни обычного человека, который в силу разных причин не воевал, а старался пережить войну? В большинстве случаев такой человек был обречен. Именно поэтому шансов выжить было больше у тех, кто воевал – на стороне красных, белых, «зеленых» либо вставал на путь бандитизма. Статус военного предполагал обеспечение оружием и единомышленниками, а значит, мог гарантировать защиту. Поэтому чаще всего причиной желания идти в армию у крестьян был инстинкт самосохранения, а не политические настроения. Жить в доме на окраине леса было безрассудством: рано или поздно – придут и убьют, а имущество разграбят. Конечно, тяжелее всего было женщинам, старикам и детям – самой уязвимой части населения. Уход Колчака летом 1919 года и возврат к советам с неизбежностью привели к обострению внутренних социальных конфликтов и жертвам.

18 августа 1919 года старшим милиционером Насадской волости Пермского уезда был составлен протокол: «Сего числа явился гражданин Насадской волости деревни Высокое поле Алексей Осипович и заявил следующее: “По прибытию белой банды во время отступления в деревню Высокое поле... привели арестованных несколько человек и во время ночи расстреляли. По словам было слышно, что таковые были военнопленные красноармейцы. Расстрелянных товарищей загребали местные граждане по наряду: А.В. Мачихин, И.П. Столбов, Ф.И. Макаров, П.А. Власов, Илья Степанович Шадрин”. По словам гражданина той же деревни Г.Ф. Макарова, это ему рассказал его отец, который был на похоронах, что было убито 12 человек. Но один из 12 был только ранен. Во время похорон раненый товарищ стал на ноги и просил, чтобы не хоронить его. В это время гражданин И.С. Шадрин сказал, что нужно донести о нем, но в это время граждане вышеназванные... такового раненого товарища бросили живого в могилу и живым зарыли. Вышеназванный гражданин Мачихин был во время белой банды агентом и предавал товарищей на истязания бандитам» [9, л.1,1об.].

Данным документом открывается «Дело о заживо погребенном», обнаруженное нами в Государственном архиве Пермского края. Обстоятельства убийства отражены в тексте: красноармейцев, попавших в плен, белые приговорили. Судя по дате, 19 августа 1919 года, отступавшие

были колчаковцами. Пленных расстреляли, поскольку с собой взять их не могли, так же как и оставлять в тылу. В качестве военной силы, как ненадежной, их, видимо, тоже не рассматривали.

При изучении документов – показаний свидетелей – прежде всего бросается в глаза отношение сельчан к смерти. Не вызывает сомнения тот факт, что все они были крайне запуганы. Это следует из сбивчивого стиля изложения, который зафиксирован в их показаниях. Волнуясь во время дачи показаний, они, по всей видимости, старались как можно быстрее сказать все, что им известно, лишь бы отпустили. Об этом свидетельствуют, например, часто повторяющиеся слова «таковой, таковые» и «я, такой-то». Подобная манера дачи показаний говорит и о том, что все чувствовали ответственность.

Обратимся к документам. 59-летний П.А.Власов, неграмотный, показал: «При отступлении белых пришел десятник Василий Васильевич Кондаков. Пришел и нарядил, сказав, “иди к Алексею Васильевичу Мачихину”, но я не знал, для чего послали меня в поля, что там роют яму. Я, Власов, пришел без лопатки, и меня послали за лопаткой Алексей Мачихин, Иван Прохорович Столбов. Когда я, Власов, пришел, то у них уже яма вырыта. Потом я, Власов, начал носить убитых в яму, их было убитых 12 человек. Лежали друг от друга в нескольких саженьях, человек 5 лежали рядом. Больше показать не могу ничего» [9, л. 2.].

Тот самый Мачихин, который приказал идти Власову за лопатой, получил перед этим соответствующее распоряжение от офицеров, что следует из текста: «Стояли на квартире солдаты белых у Ивана Андреевича Кондакова... Приходит ко мне [домой], Мачихину, один офицер и двое солдат вызывают хозяина дома, а меня дома не было, а был дома мой тесть Афанасий Петрович Серебряников. Взявши моего тестя, солдаты указали, где убито 12 человек. Пришли обратно к нашему дому солдаты с моим тестем, и передают солдаты мне, Мачихину, что “похороните этих убитых. Мы вам людей дадим”. Я, Мачихин, сообщил об этом десятнику, который собрал людей, и пошли мы копать яму. Выкопавши яму, сносили убитых на носилках, которые были далеко от ямы, а которые были близко, то их волочили за ноги по земле до ямы. Убитых было 12 человек. Выстрелов я, Мачихин, не слышал. Эти 12 человек были убиты прикладами и штыками, имели большие раны. Зарывши убитых, разошлись по своим домам» [9, л.3.].

В показании Мачихина появляется новая информация – о характере нанесенных при жизни ран. В целях экономии пули или чтобы избежать шумной стрельбы, несчастных избили и закололи штыками. Одного, как выяснилось позже, не добились.

Перед крестьянами была поставлена задача предать земле убитых, что ими и было выполнено. Ослушаться они не смели.

Из опроса свидетелей мы можем проследить их отношение к произошедшему. Так, они могли видеть, каким способом были убиты люди, кто и в какой манере отдавал приказание их захоронить. Они прекрасно понимали, что убитые – красноармейцы, а убийцы вооружены штыками, что среди них был офицер. Возможно, что несчастные были заколоты собственными штыками, которые перед смертью они вынуждены были отдать.

37-летний А.Д. Макаров, грамотный, рассказывал: «Я, Макаров, слышал от Петра Ивановича Макарова, что Петр Иванович Макаров был на похоронах и объяснял, что одного закопали живого, притом раненый лежал у ямы, где бросали убитых, но раненый поднялся на ноги и начал говорить: “Господи, Господи”, а Павел Андреевич Власов взял и сзади за рубаху и бросил в яму, и закопали...» [9, л. 4.].

Далее по тексту мы можем проследить, что одному из свидетелей пришлось добить раненого, сбросив его в яму, а другим – поспешно закопать. Таким образом, всех, кто принимал участие в «похоронах», однозначно можно считать убийцами.

Упомянутый в показаниях А.Д. Макарова, Петр Иванович Макаров – 15-летний подросток, который, судя по фамилии, приходился ему родственником. Этот молодой человек показал следующее: «Десятник послал яму рыть, но у меня лопатки не было, и я не копал. Видел, у ямы лежал раненый и стонал. Я от испуга убежал оттуда, а куда девали раненого – я уже не знаю» [9, л.6.].

Еще один свидетель по фамилии Макаров – Василий Иванович, брат П.И. Макарова, показал: «Я, Макаров младший, слышал от П.И. Макарова, который был на похоронах... По прибытии же с похорон, он говорил, что хоронили 12 человек, а один из них был живой, так живого и захоронили» [9, л.6.].

По мере расследования дела вскрывались новые детали и обстоятельства жуткого убийства.

Так, З.А. Макаров, 35 лет, грамотный, показал: «Я, Макаров, слышал от Ильи Степановича Шадрина, деревни Высокое поле, было на похоронах убитых 12 человек. Один из них встал на ноги умолял: “Братцы, меня не троньте”. Несмотря на умоления, граждане Мачихин Алексей и Власов Павел – один из них, взял раненого за рубаху сзади, а другой наступил на ноги раненого и бросили в яму» [9, л. 4 об.].

Почему именно эти двое, указанные в документе, решили покончить с раненым – можно только предполагать. Возможно, они не сочувствовали большевикам, о чем свидетельствуют далее показания И.С. Шадрина: «Я, Шадрин, был на похоронах по наряду десятского и действительно видел и участвовал на похоронах. Во время похорон было убитых 11 человек, а 12-й был еще живой, но я, Шадрин, говорил: “этого живого оставить и объявить солдатам белым”, на это мне сказал Мачихин, что “еще буду его лечить” и бросили живого в яму Мачихин, Столбов и Власов. Я, Шадрин, не мог смотреть на эту картину и отворотился в сторону. Виноват я в том, что я в первом показании не выяснил, потому что мне, если я докажу, то от товарищей угрожала опасность, так как бывшие на похоронах все мои соседи, то есть одной деревни...» [9, л. 4 об., 5,6].

Данный документ свидетельствует о том, что, во-первых, у Мачихина были явно антибольшевистские настроения, а во-вторых, офицеров на похоронах не было, так как Шадрин предложил рассказать им о выжившем. Скорее всего, жизнь несчастному красноармейцу могли при желании сохранить, но сделать это было нельзя, так как были свидетели. Отношение Мачихина к раненому исключало возможность его спасения.

Расследование продолжалось до поздней осени 1919 года. Это дело, как и многие другие, было прекращено в связи с амнистией: «17 ноября Пермский губернский революционный трибунал в Распорядительном заседании, рассмотрев дело, присланное из Следственной комиссии Трибунала, по обвинению граждан П.А. Власова, А.В. Мачихина и И.П. Столбова в зарытии живым в землю расстрелянного неизвестного человека, и, принимая во внимание постановление Следственной комиссии о прекращении дела в силу амнистии от 7 ноября, ВЦИК, постановил: согласиться с указанным выше постановлением и дело по обвинению означенных граждан производством прекратить» [9, л. 34.].

Тогда же дело об этом деянии было самым бессовестным образом замято и прекращено Следственной комиссией: «Рассмотрев настоящее дело за № 79 о гражданах деревни Высокого поля Насадской волости Пермского уезда Пермской губернии А.В. Мачихина, И.П. Столбова и П.А. Власова, по обвинению их в том, что при отступлении белых банд в

июле месяце 1919 г. из пределов Насадской волости ими в деревне Высокое поле были расстреляны 12 человек. Будучи назначенными десятским, Власов, Мачихин и Столбов, при закапывании в яму трупов, зарыли в яму из них одного живого. Хотя и факт их подтвердился двумя свидетельскими показаниями, но большинством свидетелей опровергается, тем более первым двум свидетелям верить нельзя, ибо они при первом же допросе не сказали всей правды, и один из них – Илья Шадрин был в ссоре с обвиняемым Власовым... Комиссия постановила: настоящее следственное дело представить в Пермский губревтрибунал на предмет прекращения его дальнейшим следственным производством о погашении ответственности обвиняемыми по нему за силой амнистии от 7 ноября и немедленным освобождением обвиняемых по нему лиц Мачихина, Столбова и Власова из под стражи» [9, л. 35, 35 об., 36].

К сожалению, мы не знаем авторов данного постановления. Первое, что бросается в глаза, – это замена орудия убийства: вместо штыковых ран – расстрел, как более гуманный способ умерщвления. Помимо этого, комиссия приняла во внимание только два свидетельских показания, признав в итоге и их недостоверными. Иными словами, тех показаний, которые были взяты и хранятся сейчас в архивном деле, было недостаточно, чтобы признать виновных в убийстве.

Амнистия выглядит более чем странным решением, поскольку пострадали красноармейцы, а советская власть, как мы знаем, была беспощадна к своим врагам. С другой стороны, мы ничего не знаем о том, кем являлись эти 12 красноармейцев и при каких условиях они попали в плен.

Следующий пример – свидетельство неимоверной жестокости и в то же время безразличного отношения к смерти – показания чудом выжившего после расстрела крестьянина. Расстрел был организован руководителем печально известной Осинской опертройки Рыжиковым.

29-летний крестьянин д. Москудьи Савинской волости Осинского уезда Бакулин Никита рассказывал следователю-милиционеру: «В первых числах августа ко мне пришли два милиционера, арестовали и повели в исполком. По прибытии в исполком меня посадили в каталажку, где я просидел с час. Сидело нас там 26 человек. Потом нас, 24 человека, связали за руки по 5 человек в ряд и повели. Сказали нам, что пойдём в Ошью. Встали от Савы версты три-четыре, остановили нас. Рыжиков сам скомандовал слезть с верхов конвойным. Нас осмотрели всех: хорошо ли связаны, и потом скомандовали отойти десять сажен от дороги. Остановили и пять человек, в числе которых был также и я. Отвели пять сажен вперед... и начали расстреливать. Я после залпа упал, но почувствовал, что мне нигде не болит. Я остался в таком положении, пока не расстреляли всех. Потом пришел один, пнул ногой и дал еще один выстрел, но опять в меня не попал. После этого нас опять всех осматривали. Но так как я был обмаран кровью убитого товарища, то не узнали, что я жив. С меня сняли сапоги и брюки и потом уехали. Когда все успокоилось, я вижу, что один человек недалеко от меня поднялся. Я спросил его: “Что, живой?” – “Живой”. “Ранен?” – “Ранен”. Человек этот оказался ... Тихон. Был он ранен в шею. Встали мы, и пошли домой. Он пошел к тестю. А я домой. Дома жил скрыто, докуда не объявили добровольную явку. Имущество у меня не отобрали. Я явился в исполком и мне велели идти домой. Я пробыл дома дня два и явился в Осу. По демобилизации домой пустили» [10, л. 199–200].

Из истории уголовного дела Осинской опертройки известно, что приказы о расстреле выносились за участие в восстаниях против советской власти.

Насильственные смерти в годы Гражданской войны были нормой. Человек привык жить с мыслью о том, что может в любой момент лишиться жизни. Выживший Н. Бакулин, будучи

в здравом уме, подробно рассказывал, как «связали за руки по пять человек в ряд и повели», как расстреливали и что боли не почувствовал, как повторно стреляли и промахнулись... Он же стал свидетелем мародерства своих палачей: «С меня сняли сапоги и брюки и потом уехали». По сути, он от начала и до конца испытал все, что испытывают жертвы убийц, но остался при этом жив.

Во всей этой жуткой истории интересен фактор случайности в отношении двоих оставшихся в живых. Можно ли допустить, что кто-то из стрелявших – один или два человека – намеренно промахнулся, не желая убивать? Не попасть в цель с близкого расстояния дважды – лишь укрепляет в этих догадках. Но причина может крыться и в другом: не все члены опертройки, состоявшие из крестьян, умели метко стрелять. А возможно, кому-то пришлось в этом участвовать впервые. Доводом может служить то, что один из выживших получил всего лишь ранение.

Неотъемлемыми элементами крестьянской жизни той поры были разруха, безвластие либо произвол власти. Совершенно точно можно сказать о существовании на селе в тот период взаимной вражды между сельчанами или, иначе, «классовой ненависти», которую так усиленно пропагандировали и поощряли большевики. Проявлялось это в доносах друг на друга, например, в стремлении оклеветать соседа.

В борьбе с дезертирством, как известно, участвовали карательные отряды. Поскольку основной целью отрядов была поимка и задержание дезертиров, что не предполагало постоянной занятости, то «в свободное от работы время» участники отряда промышляли грабежами в деревнях и селах, через которые они проезжали. От скуки разбойничали, устраивали беспорядки, вносили смуту в повседневную жизнь.

Об этом свидетельствует следующая история – «Дело по обвинению Н.Ф. Олина, начальника отряда по борьбе с дезертирством, в преступлении по должности» [11] (орфография и пунктуация сохранены).

Дело открывается докладом сотрудника ГубЧК: «Уполномоченному Губчека по Кунгурскому уезду доклад сотрудника губчека Головина Георгия Ильича о поездке с отрядом уездкомдезиртира начальника отряда товарища Олина в Асовскую волост поймат дезертиров. Выехали из города Кунгур 26 октября 1919 г. и 27-го прибыли в деревню Сосновка, где и взяли лошадей и поехали в село Асово. Остановившись в селе Асово, пообедали и поехали в деревню Западных, где и должно быть порядочно дезертиров, как это было сообщено. И, не доезжая до д. Западных две версты, начальник отряда товарищ Олин одал следующие приказание товарищу военкому Асовской волости окружить д. Западных, и сам остался в деревне, и когда пошли окружать деревню, то отряд уговаривался, как только в деревне покажется из крестьян – сказать один раз “стой” и если не остановится, то стрелят. И не успели окружит деревню, как получилась стрельба и было выстрелов 20–25. А затем как начальник отряда не приехал, то отрядом руководил товарищ военком. И когда пошли обыски по всей деревне и в одном доме, в котором был дезертир, нашли много сметаны, которую съели бесплатно отряд уездкомдезиртира. И затем нашли кумышку, мне сказали, что ее вылили, и я когда пошел в дом, то увидел, что кумышку частью выливали, а частью выпивали. И ночевавши в д. Западных утром поехали на верховых лошадях в лес облавливать лесные избушки, в которых не оказалось не одного дезертира... И когда поехали в деревню Подволочная, то некоторые красноармейцы говорили: “Мы съели целую сотню яиц бесплатно, зачем и платить, когда их нашли около пяти тысяч”. В Подволочной не оказалось дезертиров, где было собрание, и выступал товарищ Олин и крестьяне вынесли резолюцию: помогать в поимке дезертиров и не снабжать их продуктами. И поехали в деревню Полушкинку, где тоже было собрание, и выступал товарищ Олин, где

вынесли крестьяне тоже резолюцию помогать ловить дезертиров и поехали в деревню Верх-Мулевку, где и захватили двух дезертиров. И кончилась наша поездка 30 октября 1919 г. А обращение красноармейцев самое хулиганское.... В чем и расписуюсь, сотрудник ГубЧК Кунгурского уезда Головин» [11, л. 3.].

Результаты четырехдневной поездки отряда впечатляют. Все внимание красноармейцев было сосредоточено на поиске, но только не дезертиров, а кумышки и продуктов. Для создания видимости борьбы проводили собрания, выносили резолюции, устраивали беспорядочную стрельбу, заведомо зная, что никого не поймают. Все это доказывает, что крестьянство не интересовало мероприятия большевиков по борьбе с дезертирством.

22 декабря 1919 года заведующий юридической частью Пермского губвоенкомата направил дело в Пермский губернский революционный трибунал: «Юридическая часть, рассмотрев дело по обвинению члена Кунгурской уездкомдезертир в том, что он, состоя начальником отряда красноармейцев, не проявил должных умения и распорядительности в командовании в вверенным ему отрядом, благодаря чему произошла невызываемая обстоятельствами и совершенно бесцельная стрельба красноармейцами. При окружении д. Западной, а также из-за недостаточности надзора его за отрядом, явилось то, что часть найденной при обыске в одном доме кумышки была выпита людьми отряда и некоторые из них не уплатили денег за съеденные у граждан яйца и сметану. Означенные преступления по должности подлежат амнистированию на основании постановления ВЦИК об амнистии ко второй годовщине Октябрьской Революции, и поэтому дело препровождается в Губревтрибунал на прекращение» [11, л. 11 об.].

Следующее дело связано с истязанием крестьянки [12] (орфография и пунктуация сохранены). Потерпевшая Степанида Никитична Неволлина, 40 лет, проживала в деревне Никольские мельницы Кизвинской волости Оханского уезда. 30 июля 1919 года в Кизвинскую следственную комиссию поступило ее заявление о нанесении побоев односельчанином: «Во время пребывания белых банд... я была взята из дому и увезена в деревню Лобозят и в ограде Петра Феклистова Прошина наказали розгами, железным шомপুরом от оружия 30 раз. И когда я шла из деревни Лобозят мимо дома Кочегина, который с насмешкой говорил, что, хотя и Степаниде Невוליной дать наказание 100 раз, да она и то будит бегать... 30 июля опять Кочегин называл меня какой-то шпионкой, что и может доказать Иван Спиридонович Пономарев и Любовь Дмитриевна Неволлина. А о наказании меня и насмешки Кочегина может доказать Анна Андреевна Воробьева, а потому я прошу следственную комиссию допросить как Кочегина, а также и свидетелей и привлечь Кочегина к ответственности военного времени. Как ответчик Кочегин, а также и свидетели д. Никольской... во время пребывания белых в нашей волости... на собраниях настаивал, чтобы меня и также все семейство мое удалить из Кизвинской волости. И вот ввиду чего я и была арестована и находилась под арестом сутки и дочь моя Мария Неволлина – 10,5 суток» [12, л. 1, 1об., 2, 2 об.].

31 июля 1919. в качестве свидетеля была опрошена Н.В. Воробьева: «Когда к нам в деревню прибыли белые войска, то первоначально зашли ко мне в дом и взяли меня с лошадьё в извоз, а Степаниду Неволлину посадили в сани и повезли в деревню Лобозята... Солдаты приехали из деревни Косолаповой... и говорили, что “у вас здесь есть куманисты”. И могу показать, что Кочегин не доносил на куманические семьи, а напротив, даже застаивал куманические семьи и сохранял вещи куманистов. Добавляю то, что Кочегин приставал, чтобы не наказывали куманических семей белым розгами. И если же бы не Кочегин, то белые наказали розгами и мою дочь Любовь. Я предполагаю, что Неволлина была наказана белыми из-за своих слов, потому что когда-то ходила в деревню Косолапово и говорила, что “когда придут белые,

у меня много денег, и я этими деньгами от них откуплюсь, и они меня не выдерут”, и правда, что когда солдаты приехали к нам в деревню и спрашивали нас: “Которая из вас хотела откупиться от нас деньгами?”. Мы не сказали. На собрании 30 июля я была, но называл или нет Кочегин Степаниду шпионкой, я не знаю...» [11, л. 4].

Мы рассмотрели четыре документа 1919 года, которые дают представление о повседневной жизни крестьян: чем они жили, с каким врагом сталкивались, каковы были их бытовые интересы, внутренние конфликты и способы их решения. Гражданская война внесла раскол в крестьянскую среду. Частая смена власти провоцировала социальные конфликты. Чтобы спасти собственную жизнь или жизнь близких, избежать наказания, крестьяне нередко прибегали к наговорам друг на друга. Это неизбежно приводило к разрыву родственных связей, упадку сельского хозяйства, нарушению привычного ритма жизни в деревне. В условиях Гражданской войны все это вместе взятое сопровождалось ростом грабежей и насилием со стороны тех, кто хотел поживиться за чужой счет.

Список литературы

1. Безгин В.Б. Повседневный мир русской крестьянки периода поздней империи. – М.: Ломоносов, 2017. – 248 с.
2. Безгин В.Б. Отмена продовольственной разверстки в деревне и повстанческое движение в Тамбовской губернии // Манускрипт. – Тамбов: Грамота. – 2020. – № 10. – С. 11–14.
3. Булдаков В.П. Красная смута: природа и последствия революционного насилия. – М.: РОССПЭН: Фонд «Президентский центр Б.Н. Ельцина», 2010. – 967 с.
4. Багдасарян С. Д. Быт, труд и семья крестьян эпохи нэпа: историческая повседневность южно-российской деревни в 1920-е годы. – Новочеркасск: Лик, 2015. – 312 с.
5. Кокоулин В. Г. Повседневная жизнь Томска в 1917–1919 годах // Вестник Новосибирского государственного университета. Сер.: История, филология. – 2010. – Т. 9, № 1. – С. 141–150.
6. Федюк В.П. Российский обыватель в годы Гражданской войны: социокультурные аспекты повседневности // Ярославский педагогический вестник. – 2015. – № 3. – С. 312–318.
7. Шевелев Д.Н. Томск в годы Гражданской войны: власть, общество, повседневность // Судьба регионального центра в России (к 400-летию г. Томска) / Министерство образования и науки Российской Федерации; Томский государственный университет. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 2005. – С. 82–87.
8. Поливина М. А. Освещение периодической печатью фронтовой повседневности на Северном Кавказе в годы Гражданской войны 1917-1920 гг. // Политематический сетевой электронный научный журнал Кубанского государственного аграрного университета. – 2013. – № 93. – С. 1072–1084.
9. Дело по обвинению Власова П.А., Мачихина А.В. и Столбова И.П., граждан Насадской волости, в зарытии в землю раненого коммуниста // Государственный архив Пермского края. Ф. Р-49. Оп.1. Д. 308.
10. Дело по обвинению членов оперативных троек при Осинском уездкомдезертире Рыжикова, Машкина, Бахарева, Шадрина и др. в незаконных расстрелах граждан, истязаниях арестованных, конфискации имущества граждан // ГАПК. Ф. Р-49. Оп.3. Д. 380.
11. Дело по обвинению Олина Н.Ф., начальника отряда по борьбе с дезертирством, в преступлении по должности // ГАПК. Ф. Р-49. Оп.1. Д. 466.

12. Дело по обвинению Кочегина С.Н. в истязании Неволиной С. // ГАПК. Ф. Р-49. Оп.1. Д. 320.

References

1. Bezgin V.B. Povsednevnyi mir russkoi krest'ianki perioda pozdnei imperii [The everyday world of a Russian peasant woman in the late empire]. Moscow, Lomonosov, 2017, 248 p.
2. Bezgin V.B. Otmena prodovol'stvennoi razverstki v derevne i povstancheskoe dvizhenie v Tambovskoi gubernii [Defeat of food appropriation in the village and the insurrectionary movement in the Tambov province]. *Manuskript*. Tambov, Gramota, 2020, no.10, pp. 11-14.
3. Buldakov V.P. Krasnaia smuta: priroda i posledstviia revoliutsionnogo nasiliia [Red Troubles: The Nature and Consequences of Revolutionary Violence]. Moscow, ROSSPEN: Fond "Prezidentskii tsentr B.N. El'tsina", 2010, 967 p.
4. Bagdasarian S.D. Byt, trud i sem'ia krest'ian epokhi nepa: istoricheskaia povsednevnost' uzhno-rossiiskoi derevni v 1920-e gody [Life, work and family of peasants of the New Economic Policy: the historical everyday life of the southern Russian village in the 1920s]. Novocherkassk, Lik, 2015, 312 p.
5. Kokoulin V. G. Povsednevnaia zhizn' Tomska v 1917-1919 godakh [Everyday life of Tomsk in 1917-1919], *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2010, vol. 9, no. 1, pp. 141-150.
6. Fediuk V.P. Rossiiskii obyvatel' v gody Grazhdanskoi voiny: sotsiokul'turnye aspekty povsednevnosti [Russian philistines during the Civil War: socio-cultural aspects of everyday life]. *Iaroslavskii Pedagogicheskii Vestnik*, 2015, no.3, pp. 132-318.
7. Shevelev D.N. Tomsk v gody grazhdanskoi voiny: vlast', obshchestvo, povsednevnost' [Tomsk during the Civil War: Power, Society, Everyday Life]. *Sud'ba regional'nogo tsentra v Rossii (k 400-letiiu g. Tomska)*. Ministerstvo obrazovaniia i nauki Rossiiskoi Federatsii, Tomskii gosudarstvennyi universitet. Tomsk, Izdatel'stvo Tomskogo universiteta, 2005, pp.82-87.
8. Polivina M.A. Osveshchenie periodicheskoi pechat'iu frontovoi povsednevnosti na Severnom Kavkaze v gody grazhdanskoi voiny 1917-1920 gg. [Coverage by periodicals of front-line everyday life in the North Caucasus during the civil war of 1917-1920], *Politematicheskii Setevoi Elektronnyi Nauchnyi Zhurnal Kubanskogo Gosudarstvennogo Agramogo Universiteta*, 2013, no. 93, pp. 1072-1084.
9. Delo po obvineniiu Vlasova P.A., Machikhina A.V. i Stolbova I.P., grazhdan Nasadskoi volosti, v zarytii v zemlyu ranenogo kommunisty [The case against Vlasov P.A., Machikhin A.V. and Stolbova I.P., citizens of the Nasad volost, buried in the ground of a wounded communist]. *Gosudarstvennyi arkhiv Permskogo kraia (GAPK)*, f. r-49, op.1, d. 308.
10. Delo po obvineniiu chlenov operativnykh troek pri Osinskom uezdskomdezertire Ryzhikova, Mashkina, Bakhareva, Shadrina i dr. v nezakonnykh rasstrelakh grazhdan, istiazaniakh arestovannykh, konfiskatsii imushchestva grazhdan [The case on charges of members of operational troikas at the Osinsky district deserter Ryzhikov, Mashkin, Bakharev, Shadrin and others in illegal executions of citizens, torture of arrested persons, confiscation of property of citizens]. *GAPK*, f. r-49, op.3, d. 380.
11. Delo po obvineniiu Olina N.F., nachal'nika otriada po bor'be s dezertirstvom, v prestuplenii po dolzhnosti [The case on charges of N.F. Olin, the head of the anti-desertion squad, of a crime ex officio]. *GAPK*, f. r-49, op.1, d. 466.
12. Delo po obvineniiu Kochegina S.N., v istiazanii Nevolinoi S. [The case on charges of S.N. Kochegin, of torturing S.N. Nevolina]. *GAPK*, f. r-49, op.1, d. 320.